

Исповедь узницы подземелья

Автор:

[Екатерина Мартынова](#)

Исповедь узницы подземелья

Екатерина Валерьевна Мартынова

Портрет эпохи

30 сентября 2000 года 14-летняя Катя ушла из дома чистым невинным подростком, а вернулась домой только спустя долгие и мучительные три с половиной года заточения в подвале «скопинского маньяка». Эта книга – рассказ от первого лица про пережитую физическую и эмоциональную боль, постоянный страх, ежедневное насилие, щемящее одиночество и беспросветное отчаяние, но, и что самое важное – это история-вдохновение о невероятной силе духа и целеустремлённости, а также о победе надежды, веры и любви над злом этого мира.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Катя Мартынова

Исповедь узницы подземелья

Автобиографическая повесть

Вступление

Книга, которую вы держите в руках, – это результат многолетних размышлений, воспоминаний, которые каждую минуту двадцать четыре часа в сутки преследовали меня после того, как я снова родилась на свет – 4 мая 2004 года. Со мной произошло то, о чем журналисты рассказывают с эпитетом превосходной степени – это действительно было «шокирующее преступление» и «леденящая душу» история. 1312 дней я провела в сыром мрачном подвале в плену у сексуального маньяка. Заточив меня и мою подругу по несчастью на глубине 6 метров под землей, он наверняка был уверен, что о его преступлении никто и никогда не узнает. И его план был настолько хорошо продуман, что это преступление и правда можно было назвать идеальным. Ему достаточно легко удалось заполучить сексуальных рабынь. И вполне возможно, что, вдоволь наигравшись, он бы прикопал наши косточки под какой-нибудь яблонькой на своем приусадебном участке... И никто никогда не узнал бы об этом – для всех мы были бы пожизненно без вести пропавшими... Кстати, именно про заготовленную могилку он всегда говорил, когда хотел напугать нас: «Я уже присмотрел местечко, где вас закопать, воооон там, по яблоней».

Но, вероятно, Господь услышал отчаянные молитвы двух пленниц... И благодаря череде чудесных случайностей мы вернулись к своим родным... Благодаря Божьей помощи я не только вернула свободу, но и могу сейчас в полный голос, не стыдясь, рассказать об этом чудовищном периоде своей жизни.

Я написала эту книгу, наверное, в том числе и для всех женщин, которым пришлось в своей жизни испытать насилие. Неважно какое – семейное ли, сексуальное ли... Я вышла из этих испытаний с главным уроком – никогда не мириться с обстоятельствами. Не позволять своему разуму умирать. Только активный мозг может в череде даже самых незначительных событий найти то, которое откроет двери темницы. Помните, как отчаялся Эдмон Дантес, заточенный в подземную темницу замка Иф: «Эдмон никогда не думал о побеге. Иные предприятия кажутся столь несбыточными, что даже не приходит в голову браться за них; какой-то инстинкт заставляет избегать их. Прорыть пятьдесят футов под землей, посвятить этому труду три года, чтобы дорыться, в случае удачи, до отвесного обрыва над морем; броситься с высоты в пятьдесят, шестьдесят, а то и сто футов, чтобы разmozжить себе голову об утесы, если раньше не убьет пуля часового, а если удастся избежать всех этих опасностей, проплыть целую милю, – этого было больше чем достаточно, чтобы покориться неизбежности...» Но вот произошла чудесная встреча Дантеса с аббатом Фариа, «который цеплялся за жизнь... и подавал пример отчаянной решимости» – и бедный узник «стал размышлять и измерять свое мужество». Почему я вспомнила именно эту книгу? Потому что вся история удавшегося побега узника

замка Иф очень похожа на то, что произошло со мной. Точно так же моя свобода стал чередой случайностей... Но в отличие от графа Монте Кристо я не ожесточилась и ненависть вкупе с чувством мести не поразили мое сердце и душу. Да, каждый день в подземелье я переживала стресс, одиночество, боль, беспомощность, тоску – все, что только может разрушать жизнь человека. Но даже в том состоянии и в тех обстоятельствах я находила ресурсы и занятия, которые помогли бы мне не сойти с ума. 30 сентября 2000 года я ушла из дома наивной школьницей, девственницей. А вернулась домой 4 мая 2004 года – женщиной с истерзанным телом, но с душой, которая сохранила веру в людей, в добро, в Любовь.

День Веры, Надежды и Любви стал черным днем моей жизни. Но именно Вера, Надежда и Любовь помогли мне выжить и выйти из тяжелейших испытаний – Человеком.

Эту книгу я посвящаю своей маме.

Ее молитвой:

Господи, Иисусе Христе, Сын Божий, благослови, освяти, сохрани чадо мое Екатерину силою животворящего Креста Твоего... Милосердный Господи Иисусе Христе, Прошу Тебя, Господи, сохрани ее под кровом Твоим Святым от летящей пули, ножа, яда, огня, потопа, от смертоносной язвы и от напрасной смерти.

Сохрани в ней Веру, Любовь и Надежду на спасение даруй...

– я сейчас Жива.

И вот уже который раз мне снится один и тот же сон... Я – в нашем семейном гнездышке, в нашей квартире, одна. Солнце ярким светом заливает все комнаты, в пронзающих воздух лучах видно, как кружатся пылинки. Радость и спокойствие разливаются по телу... По стенам бегают солнечные зайчики, а в моем сердце – как будто их братик. Такой же чудесный, пушистый, мягкий

плюшевый солнечный зайчик. Он улыбается мне, а я – миру... Мир так прекрасен! Мама смеется и протягивает мне свои руки, мы кружимся и смеемся... И вдруг... Все пропадает... Лучи гаснут, комната погружается во мрак... Пол под моими ногами – исчезает, а вся квартира переворачивается в вертикальное положение. Только мебель остается на месте, а я все скольжу и скольжу по линолеуму вниз... Не могу ни за что ухватиться, скатываюсь куда-то... И так страшно, и страх нарастает, и жутко, и холодно... Вот – входная дверь открывается... Но там вместо лестничной площадки – почему-то черная пропасть со вспыхивающими в ней языками пламени. В последний момент я хватаюсь за порог перед входом в дом, чтобы не упасть... Кричу от ужаса, держусь едва-едва... Накатывает невероятная волна ужаса... Мгновение – и я открываю глаза...

Моя кровать... Моя комната... Мой дом...

Кто я?

Я – обычная девочка. Меня зовут Катя, мне – четырнадцать лет, на последний день рождения папа подарил мне щенка – карликового пуделя, я назвала ее Керри, она очень забавная, и мне нравится с ней гулять. У меня совершенно обычные родители, мама работает продавцом в магазине, папа ходит на завод. Я живу в Рязани, в большой квартире вместе с родителями и старшей сестрой, ее зовут Аня. У меня есть своя комната, где я делаю уроки, болтаю с подругами по телефону, сплю. С сестрой у меня дружеские отношения, хотя иногда (а как без этого?) мы ссоримся, в основном это бывает из-за вещей – мне все время хочется надеть что-нибудь из ее гардероба. В школе я учусь средне, могла бы и лучше, но ленюсь. Мама практически никогда не ругает меня, а вот папа изредка проявляет строгость. Например, когда я получаю двойку (да, да, бывает и такое!), мама, узнав об этом, просто берет с меня обещание исправить плохую оценку. С папой же все по-другому. Он может запретить мне выходить гулять несколько дней или не разрешает смотреть телевизор по вечерам, следя за тем, чтобы я сидела за письменным столом и делала уроки. Мне кажется, что по характеру я больше похожа на маму. Я такая же спокойная и добрая, как она. Хотя от папы мне точно досталась одна его черта – любовь к животным. Наравне с новогодними праздниками и днями рождения членов семьи мы очень любим праздник светлой Пасхи. Обычно мы отмечаем его в деревне. Вместе с бабушкой заранее красим яйца, протираем от пыли иконы, наводим порядок в доме. Мама верит в Бога, хотя в церковь ходит очень редко, а вот от папы я недавно

услышала, что он атеист – в общем-то ничего необычного для человека его поколения... В общем и целом можно сказать, что мое детство, период жизни ДО похищения – это жизнь обычного ребенка в обычной российской семье, живущей в областном центре Центральной России.

Хобби у меня нет, если не считать желания иногда что-нибудь сшить для себя, например, юбку или летнее платье. Когда я пошла в первый класс, мама отвела меня в музыкальную школу, и я три года брэнчала на домре. Потом были игра на гитаре, хор, народные танцы. Но в итоге стало очевидно, что я совсем не музыкальный человек, и занятия музыкой были заброшены. Хотя слушать современную музыку очень люблю. Родители недавно подарили сестре музыкальный центр, и у нас теперь много кассет с песнями. Мне нравятся «Руки вверх», «Иванушки», «Блестящие» и много других молодежных групп. Летом родители отправляют нас к бабушке в деревню «на свежий воздух и парное молоко». Для меня это самое лучшее время, ведь я весь учебный год скучаю по своим друзьям, которые так же, как и я, приезжают к родственникам на лето. Мы все вместе бегаем купаться на пруд, ходим за ягодами, вечерами жжем костер и рассказываем страшные истории. У меня много приятелей и есть две лучшие подруги-одноклассницы – Таня и Оксана. Я еще никогда не была влюблена, но один мальчик определенно мне нравится. Он старше меня на два года. Живет в Москве, а летом, как и я, приезжает к своей бабушке в нашу деревню. Мы познакомилась в конце этого лета, вместе гуляли, ездили на велосипедах, дурачились, а однажды он даже меня поцеловал в губы. Это было очень волнительно, приятно и немного страшно. Я с нетерпением жду следующих каникул, чтобы увидеться с ним опять...

Внешне я довольно симпатична, у меня карие глаза и темные волосы. Я среднего роста и веса, хотя мама и говорит, что я худая. В целом моя жизнь мне нравится, конечно, бывают неприятности, вроде плохой оценки, но это ерунда.

Все, что случилось со мной и что я буду описывать в моей книге дальше, – это не следствие каких-то надломленных взаимоотношений в моей семье, как мог бы подумать кто-то ретивый, начитавшись бульварных псевдопсихологических книжонок. Нет, конечно. Семья у нас была по-настоящему дружная. Со своими традициями, с поездками в деревню к бабушке и на море. У нас были и книжки, и игры, и аттракционы, зимой мы ездили на машине по Золотому кольцу, а летом – загорали на озерах...

Теперь, когда каждая минута проанализирована мною от и до, я могу точно сказать, что наш семейный и мой личный Апокалипсис начался в обычный, ничем не примечательный день сентябрьского бабьего лета 2000-го года с обычного телефонного звонка... К несчастью, трубку телефона взяла именно я...

Ну, почему в тот день не отключили телефон?

Почему я не ушла гулять во двор?

Почему я не сидела в наушниках? Тогда бы я просто не услышала этого звонка...

Я была дома. Я подняла трубку телефона и ...

В этот момент бабочка взмахнула крыльями...

30 сентября 2000 года. Вера, надежда, любовь

- Алло, здравствуйте, Аню позовите, – прозвучало в трубке домашнего телефона.

- Ее нет, – ответила я.

- Привет, Кать! Это Лена, мы с Аней учимся вместе, я как-то приезжала к вам.

- Да, я помню тебя, Лен.

- Мы с твоей сестрой договорились сегодня вечером поехать на дискотеку, – объясняла девушка. – Но, видимо, не получится, раз она ушла.

- Я могу поехать вместо нее, – обрадовалась я. – Если ты не против! Да и Ани все равно не будет, она у своего друга останется до вечера.

Мы договорились встретиться на остановке. Я была рада поехать в центр города на праздник, ведь до этого дня мне не приходилось бывать на таких мероприятиях. Надев красивую юбку с пиджаком и новые туфли, я сказала маме,

что иду гулять, и ушла. Уточнить, куда именно я собралась, не стала, побоялась, что она меня не отпустит: все-таки центр города – не соседний двор, а совершенно другой конец Рязани с большим количеством незнакомых людей.

Уже практически выйдя из дома, я услышала, как снова зазвонил телефон. Не разуваясь, я пробежала в комнату, чтобы взять трубку. Это была сестра.

– Чем занимаешься? – спросила Аня.

Рассказав в подробностях наш разговор с Леной о том, что я решила сходить на городской праздник, я попрощалась с сестрой до вечера и отсоединилась.

С Леной я встретила в районе шести часов вечера. Болтая ни о чем, мы дождались своего троллейбуса и благополучно доехали до центра, где и развернулась импровизированная дискотека, организованная одним из операторов мобильной сети, которые в 2000 году только начинали свою работу.

Для меня, четырнадцатилетней девочки, вся эта суэта была внове и казалась чудом. Единственные вечеринки, на которых я бывала, – это школьные дискотеки в присутствии учителей. Когда в центре актовом зала – несколько кружков с танцующими, учителя по периметру и у входа – блюстители порядка. На большом же городском мероприятии – все по-другому. Настоящее взрослое веселье, с музыкой, танцами и даже выступлением артистов на наспех построенной под открытым небом сцене, благо погода была благоприятной для проведения массового мероприятия – день был теплый, солнечный, настоящее бабье лето. Я была счастлива присутствовать на этом празднике жизни... Ни о каких фотографиях с той вечеринки не могло быть и речи – это была не очень понятная нынешней молодежи «доинстаграмная» жизнь, – даже телефоны мобильные были у очень ограниченного круга богатых людей.

Посмотрев фейерверк, заканчивающий праздник, я и Лена отправились в сторону остановки. Мои наручные часы показывали начало десятого, давно пора было ехать домой.

– Мама будет ругаться, – пожаловалась я. – Она меня до девяти еле отпускает, а пока мы приедем, вообще одиннадцать будет! Да и вообще, мне завтра в школу!

– Давай пройдем на другую остановку, подальше отсюда? – предложила Лена. – Сейчас все по домам разъезжаются, мы в троллейбус не влезем. Посмотри, сколько народа уже ждет свой транспорт, – она махнула рукой в сторону толпы людей, жаждущих уехать. – Отойдем немного от центра и спокойно сядем в автобус, он как раз до нашей улицы идет.

В те годы в Рязани не ходили маршрутки, горожане ездили исключительно на троллейбусах, которых, впрочем, тоже не хватало. Если повезет, дожидались автобуса и с относительным комфортом ехали в пункт назначения.

Решив, что хоть так немного сэкономим время, мы отправились в путь. И действительно, чуть в стороне от центра было тише, наша остановка, уже показавшаяся впереди, была пустой. Когда до нее оставалось метров десять, перед нами остановилась машина белого цвета. В марках я не разбиралась, но и без этого поняла, что авто так себе, бюджетный вариант.

На переднем сиденье, рядом с водителем, сидел молодой мужчина. Он был невысокий, коротко стриженный, с низким грубым голосом...

– Девчонки, вы далеко идете? – спросил он. – Давайте мы вас подвезем?

Я молчала. «Пусть Лена что-то решит, – подумала я. – Она же старше».

Лена колебалась. Тогда парень вышел из машины, и мне удалось его как следует разглядеть. Ростом чуть выше меня, примерно 170 сантиметров, короткие темные волосы, можно сказать, худой. Одет он был в синий свитер и черные джинсы. Возраст трудно определить, просто старше меня – и все.

Водитель молча сидел в машине. Через окно я смогла понять только то, что он достаточно взрослый, если не сказать старый.

После недолгих уговоров Лена согласилась и сказала мне: «Сейчас быстро до дома доедем, и автобус ждать не придется, время уже совсем позднее, наверное, твои родители места себе не находят».

Мы сели в машину и объяснили, где живем. Парень представился Алексеем, а водителя назвал Виктором.

– Девчонки, давайте в магазин заедем, по шоколадке вам купим? – вдруг предложил Леша.

Отказаться было неудобно. Все-таки они вызвались подвезти нас домой, почему бы не заехать. Да и шоколадку съесть было бы неплохо. По дороге в ночной гастронорм Леша всячески пытался нам понравиться, рассказывал анекдоты, расспрашивал о жизни, в общем, казался очень милым. На водителя мы не обращали внимания, да и он молчал, просто вез нас, будто таксист. В машине я так и не разглядела его внешность, помню только, что была красная рубашка в черную клетку...

Леша сходил в магазин, купил две шоколадки и достал из бардачка бутылку водки.

– Ну, что, красавицы, давайте за праздник выпьем?! – улыбнулся он и, быстро разлив алкоголь, протянул нам наполненные до половины пластиковые стаканчики.

Сначала мы отказывались, но, не желая выглядеть трусихой, я все-таки глотнула спиртное. Вкус был настолько отвратительным, что я поперхнулась и из-за начавшегося кашля, опрокинула недопитые остатки себе на юбку. Стало жутко неудобно. Я совершенно не хотела показаться новым знакомым маленькой девочкой, которая пьет взрослые напитки впервые. Хотя на самом деле мне лишь однажды удалось попробовать спиртное. Это было шампанское на свадьбе у моей тетки. Мы с сестрой улучили момент, когда все взрослые отвлеклись на поздравления молодых, и пригубили пузырящийся напиток. Конечно, он был горьковат, но не настолько, чтобы его невозможно было проглотить.

Алексей быстро достал бумажные салфетки и небольшую бутылку с чистой водой, чтобы я могла привести себя в порядок.

– Водку на себя пролить – плохая примета, – припечатала Лена, даже не подозревая, насколько она была права...

Дальше пить спиртное я отказалась и просто ела шоколад, запивая его водой. Довезя нас практически до половины дороги к дому, Виктор вдруг сказал, что ему срочно нужно заехать к сестре, отдать какие-то документы, а он об этом только сейчас вспомнил.

Я начинала плохо реагировать на происходящее вокруг – скорее всего, уже действовало снотворное, которое наши похитители подмешали в воду. Картинки вокруг были размытыми, действительность как будто расплывалась, сознание становилось спутанным...

Виктор завел мотор и повез нас снова в центр. Я смотрела в окно. Машин на дорогах значительно убавилось. Редкие прохожие спешили домой. Наступила ночь. Мысли путались, разговаривать не хотелось, по телу разливалась слабость. Не знаю, сколько прошло времени, когда я очнулась от голоса молодого.

– Девчонки, нам нужно отойти на минутку, – сказал Леша, и они с Виктором вышли на улицу.

– Лен, куда мы приехали? – удивилась я, сквозь темноту вглядываясь в заборы частных домов и виднеющиеся за ними деревенские дворики.

– Не знаю, – пожала она плечами. – Я, кажется, уснула.

Но продолжить разговор нам не удалось, так как машина неожиданно покатила вниз по дороге. Я закричала, а Лена попыталась достать до ручного тормоза. В этот момент наши спутники вернулись и на ходу запрыгнули в авто. Благополучно остановиться у водителя не получилось, и мы врезались в дерево.

– Забыл на тормоз ручной поставить, – первый раз за все время подал голос Виктор. – Фара разбита, придется ехать ко мне менять, иначе гаишники оштрафуют, – пояснил он, – вас же еще домой отвезти нужно.

– Где мы находимся? – тут же задали мы вопрос.

К этому времени я немного пришла в себя, скорее всего, потому, что снотворного в воде было недостаточно, чтобы я уснула надолго.

– В Рязани, недалеко от площади, где дискотека была, – здесь есть частный сектор, – ответил Леша. – Виктор тут недалеко живет, сейчас заедем к нему, фару поменяем и вас домой отвезем.

Делать ничего не оставалось, общественный транспорт уже не ходил. Телефона, чтобы вызвать такси, не было. Да и новые знакомые внушали нам доверие. Ну что может нам сделать этот безобидный дядечка со смешной лысиной? А Леша так вообще душка.

Подъехав к деревянным воротам, Виктор вышел, открыл их, загнал машину во двор и снова закрыл въезд. Мы с Леной сидели молча. Вокруг было темно, только где-то вдалеке горели фонари и громко лаяли собаки. Наши новые знакомые вышли из машины и исчезли из поля зрения.

– Не волнуйся, сейчас они быстро фару поменяют, и поедем домой, – сказала подруга. – Я тебя провожу.

Я кивнула. «Хорошо бы было прийти не одной. Можно соврать, что у Лены в гостях засиделась, а она подтвердит», – подумала я. Мысли о том, что родные могут волноваться, мне в голову не приходили. Вот отругают и накажут – это да!

Вскоре дверь автомобиля, расположенная с моей стороны, открылась, и Леша попросил меня выйти. Я удивилась, но послушалась. Лена осталась внутри.

Впереди чернела какая-то постройка. Алексей взял меня за руку и повел к ней. Это оказался гараж. Мне стало не по себе. На все мои вопросы он уже не отвечал. Указав рукой на кровать, которая стояла среди всякого хлама в этом небольшом помещении, он сказал:

– Садись, сейчас Витя придет.

И ушел, закрыв за собой дверь. Я присела на край грязного матраса и стала ждать. Думать, что будет дальше, не хотелось, да и не верилось, что со мной может случиться что-то плохое. Мои часы, которые я не завела вовремя, остановились, и понять, сколько сейчас времени, я не могла.

Наконец пришел Виктор. Он был достаточно высокого роста, среднего телосложения, с большими и какими-то грязноватыми руками.

– Ты еще не разделась? – удивился он.

- Зачем? - Я сделала вид, что не понимаю его.

- Как зачем? Трахаться будем!

- Я не хочу! - Слезы сами полились из глаз. - Отвезите нас домой! Где Лена?!

Но ответа не последовало. Он молча вышел из гаража. А через минуту туда зашел Леша. Мужчина приблизился ко мне и слегка ударил по щеке.

- Если сейчас ты не разденешься и не сделаешь, что тебе говорит Виктор, я отпущу собак, и они вас загрызут.

Я заплакала еще сильнее. Перспектива отдаться этому противному Виктору была не лучше, чем быть съеденной собаками.

- Ну, что думаешь? - Леша сжал мое лицо рукой. - Потрахаешься с Витей, отвезем вас домой, нет - пойду спускать собак.

Я стала снимать колготки и трусики. Руки тряслись, голова кружилась. Леша подождал, пока я лягу на кровать, и ушел. Я закрыла глаза и стала ждать. Минут через пять я почувствовала, как Виктор навалился на меня и начал насиловать. Было очень больно и мерзко.

Этот ублюдок на грязном матрасе в вонючем гараже помимо моей воли лишал меня девственности, и ему было наплевать на то, что срывать этот цветок он не имеет никакого права!

Минут через пятнадцать он закончил и сказал, чтобы я одевалась.

- Где Лена? - снова стала спрашивать я.

- Ждет тебя, - ответил Виктор. - Пойдем, отведу тебя к ней.

В каком-то тумане и еще даже полностью не осознавая, что случилось, в надежде, что весь этот кошмар закончился и скоро мы с подругой окажемся дома, я безропотно пошла за ним. Машина стояла на том же месте, но была пуста. Мохов, не выпуская меня из виду, обошел гараж сбоку и присел на

корточки. Подковырнув пальцем самый нижний лист железа, которым был обит гараж, он открыл небольшую дверцу размером примерно восемьдесят на восемьдесят сантиметров.

- Лезь туда, - приказал он.

- Зачем? - испугалась я.

- Там Лена. Здесь переночуете, а утром я фару заменю и отвезу вас домой, - пообещал Виктор.

Я колебалась, и тогда он силой зачихнул меня в эту темную дыру. Потом залез сам, закрыл дверцу и включил свет. Помещеньице было крошечное, с бетонными стенами и низким потолком. Мохов наклонился и резким движением открыл люк в полу. Я увидела еще одно маленькое пространство, стены и пол которого имели светло-зеленый цвет.

- Спускайся, - приказал мне мой мучитель.

Я покорно спустилась вниз. Меня охватил еще больший ужас. «Зачем он привел меня сюда? Лены здесь нет. Сейчас еще раз изнасилует и убьет», - вертелись в голове страшные мысли. Но Мохов не торопился лишать меня жизни. Он снова присел на корточки, и тут я увидела еще один люк, расположенный в стене.

- Давай лезь! Что застыла?! - Виктор дернул меня за подол юбки.

Я посмотрела на крышку люка. Его толщина превышала двадцать сантиметров и выглядела монолитным бетонным блоком с двумя железными засовами. Мало того, эту толстенную дверцу, в размере не превышающую пятьдесят сантиметров на восемьдесят, прикрывала еще одна защита, но уже из дерева, по периметру обитая железом и имеющая такой же внушительный засов, как и первая дверь.

Даже со своим небольшим ростом, маленьким весом и весьма скромными габаритами, если так можно сказать, я с трудом смогла протиснуться в эту дырку. Следующее помещение было расположено чуть ниже и по сравнению с предыдущим, казалось большим, примерно два на три метра. В тот момент я

даже не могла предположить, что это подземное пространство станет моим домом на долгие три года семь месяцев и четыре дня.

Потом, когда спустя несколько лет мы обретем свободу, я узнаю, что наше с Леной исчезновение поставило на уши всю рязанскую полицию. Сначала теплилась надежда, что мы просто найдемся сами – вдруг молодые девчонки просто решили «оторваться» и весело провести время? Искали на всех близлежащих стройках, в коллекторах, наркоманских притонах... Но шло время, а полицейские не могли найти наших следов ни в каком виде, мы как в воду канули... Было возбуждено уголовное дело, наше бесследное исчезновение заставило правоохранительные органы даже делать запросы в Интерпол. Все с ужасом сопоставляли наше исчезновение с другими пропажами людей – а вдруг завелся серийный убийца? Предполагали самое страшное, что нас продали в сексуальное рабство на Ближний Восток. Но предположить, что две девушки могла оказаться в сексуальном рабстве в родной области, на расстоянии всего 90 километров от областного центра? Этого предположить не мог никто. И город Скопин даже не был в маршрутах поисков! Ориентировки с нашими фотографиями постоянно показывали по телевизору, ими были увешаны все заборы Рязани. Но... все было тщетно. Не было свидетелей, не было никаких следов – ничего... Родители плакали и молились, а следствие не трогалось с мертвой точки. Для всех мы как будто провалились сквозь землю... Что, в общем-то, в нашей ситуации фактически так и было...

Подземный плен

Мохов ушел, заперев меня снаружи. Я огляделась. Бетонные стены покрывает белая краска, деревянные полы выкрашены в коричневый цвет. В побеленном потолке – два небольших вентиляционных отверстия, обеспечивающих приток кислорода. У противоположной от люка стены стоит одноместная кровать с железными спинками и пружиной. Матрас и постельное белье – старые, но видно, что чистые. Слева от спального места прибитая небольшая деревянная столешница с двумя полками внизу, рядом – табуретка с металлическими ножками и пластиковым сиденьем. В углу, на уровне пояса – две деревянные полочки, прикрепленные к стене, по другую сторону от них находится ведро с крышкой, для нужд. Завершает картину небольшой обогреватель советского

образца, который, видимо, и прогревает комнату, так как батареи – не предусмотрены. Если бы не было этого немудрящего обогревателя, в бункере стоял бы просто могильный холод. В целом помещение новое и чистое, как будто только после ремонта.

Помещение действительно было новое. Потом нам расскажут, что Мохов три года готовился к преступлению. С 1997 года он начал рыть этот бункер. Вывез с участка несколько грузовиков земли... Что он говорил своей матери, с которой жил в одном доме? Неужели она и правда верила, что такой основательный подвал нужен для варений и солений?! Ведь подвал готовился практически как бомбоубежище: толстые стены, основательные бетонные перекрытия, электричество, вентиляция... Для хранения картошки и домашних заготовок такое сооружение явно избыточно...

Оставшись одна, я впала в панику, хотелось просто выть от бессилия. Больше всего беспокоило, где сейчас моя подруга и вообще жива ли. Дико хотелось закрыть глаза и оказаться дома, обнять маму и пообещать ей, что больше никогда не пойду гулять поздно вечером и не сяду в машину к незнакомцам. Я думала о семье, о школе, о том, как завтра мои одноклассники ворвутся в класс, будут смеяться, дурачиться, ходить друг к другу в гости и просто жить обычной жизнью, а я в это время буду выживать. Здесь... В этом ужасном месте...

Не знаю, сколько времени я просидела так, погруженная в свои невеселые мысли, пока не загремели замки и в бункер не влез Виктор.

– Не спишь? – спросил он, ухмыляясь.

Я вновь начала спрашивать про Лену и заклинала его, слезно вымаливала отпустить нас домой. Но все было тщетно. Мохов сел к столу, достал из кармана бутылку самогона и граненый стакан. Наполнив его до краев содержимым бутылки, он заставил меня выпить. Чтобы не злить своего мучителя, давясь и проливая на себя спиртное, я все же влила в себя отвратительное пойло и, запив водой, отключилась.

– Кать, просыпайся, – услышала я будто сквозь вату знакомый голос. – Открывай глаза.

С трудом разлепив тяжелые веки, я увидела Лену.

– Где ты была? Сколько сейчас времени? Когда мы домой поедem? – засыпала я ее вопросами.

– Сейчас утро, – стирая какой-то вонючей тряпкой рвоту с моего лица, ответила подруга. – Я спала в доме. Виктор меня разбудил и к тебе привел.

Все это время Мохов стоял позади Лены.

– Ее нужно в порядок привести, – подал он голос. – Она во сне вся облевалась. – С этими словами он влез в люк, закрыл дверцы на засовы и уже через закрытый лаз, бросив что-то вроде «я позже зайду», исчез.

Я лежала на кровати абсолютно голая, накрытая простыней. Рассказав Лене, как Мохов обманом и силой затащил меня в этот подвал, а потом, напоив самогонкой до потери сознания, изнасиловал, я заплакала. Подруга начала успокаивать меня, помогала одеться. В то, что скоро придет Виктор и выпустит нас из этой могилы, верилось мало. Казалось, что сейчас сюда влезут оба наших похитителя и будут насиловать нас и мучить. А потом полуживых закроют в этом подполе и оставят умирать. Но спускаться к нам никто не собирался, внезапно отключился свет, наступила кромешная темнота.

Меня начало трясти, словно в лихорадке.

– Он больше не придет, – в приступе панической атаки, как заведенная, твердила я. – Мы умрем тут от жажды и голода, и нас никогда не найдут.

Лена нащупала мои плечи и обняла меня:

– Успокойся, мы обязательно выберемcя отсюда. Вот увидишь, скоро придет Виктор и отпустит нас наконец.

Очень хотелось ей верить, и, представив, как я окажусь дома и все опять будет хорошо, я провалилась в тяжелый сон.

Пол под моими ногами исчезает... Квартира переворачивается... Только мебель остается на месте, а я все куда-то скольжу и скольжу по линолеуму вниз... Дверь... пустота... Пропасть и языки пламени... Я кричу, хватаюсь за порог, а огонь гудит... гудит... Снова этот сон... Почему же так гудит огонь? Разве пламя может так гудеть?

Разбудил меня звук включившейся вентиляции, вместе с ней зажегся свет. Раздались уже знакомый стук открывающегося наверху люка, скрип лестницы, ведущей вниз, наконец загремели замки на дверцах в нашу подземную комнату.

- Жрать хотите? - всунул голову в окошко Мохов.

И, не дожидаясь ответа, начал выкладывать на порог люка провизию. Это был десяток яиц, банка тушенки, белый хлеб, растительное масло, пакет макарон и пара полулитровых бутылок с питьевой водой; вслед за продуктами появилась посуда - эмалированный чайник, небольшой нож, который оказался совсем тупым, и две чайные ложки. Напоследок он достал электрическую плитку.

- Когда вы нас домой отпустите? - снова спросила Лена.

- На днях, - буркнул он и запер нас.

Лена включила плитку, сварила яйца в чайнике, порезала хлеб, кое-как открыла тушенку, и мы сели есть. Аппетита не было.

Очень хотелось домой, обнять маму, помыться, лечь в свою теплую кровать и забыть все как страшный сон.

Подруга пыталась приободрить меня, обещала, что мы непременно вырвемся на свободу, а я то плакала, то впадала в забытие, ограждая себя этим от жестокой реальности. Так началось наше подземное существование.

Первая неделя пребывания в плену была чудовищной. Мы кричали до хрипоты, стучали по стенам, но никто не слышал нас... Я надеялась, что полиция нас найдет по каким-то зацепкам, но ниточек, ведущих к нам, не оказалось. Как потом я узнала, не было ни одного свидетеля, хоть как-то пролившего бы свет на

наше исчезновение. У Мохова получилось совершить идеальное преступление.

Пока для нас с Леной тянулись жуткие месяцы сексуального рабства, моя мама – Ирина Васильевна – и мама Лены – Александра Ивановна – конечно, встречались. Но каждая из них искала свой способ не сойти с ума в отсутствие вестей от дочери. Молитвы, гадалки... Однажды моя мама пошла к очередной гадалке, и та сказала, что весточка от дочерей будет. И даже сделала уточнение, что Лене – тяжелее, чем мне. Гадалка была ох как права... Но об этом – позже...

2001 год: подземное существование

Он пришел на следующий день и приказал мне выйти к нему в предбанник. Я отказалась. Одна мысль о том, что снова придется лежать под этим вонючим стариком, доводила до мурашек, да еще и кровь из-за разрыва девственной плевы не останавливалась. Внутри все болело. Лена предложила «выйти» вместо меня, но насильник не соглашался.

– Выходи, сказал! – заорал Мохов. – Иначе сейчас выключу свет и вентиляцию перекрою, задохнетесь здесь!

Я вжалась в стену, но твердо решила – не пойду. Поняв, что я не собираюсь вылезать к нему, мучитель ушел. Вскоре погас свет. Практически потеряв разум, я стала кричать и звать на помощь. Нащупав в темноте табуретку, отвернула ножку и начала долбить ею по стене. Но силы быстро закончились, сев на пол, я замолчала. Очень болела голова. С отключением электричества в подвале становилось холодно и сыро. Было ощущение, что я нахожусь в склепе, погребенная заживо. Только биение сердец выдавало, что в подвале есть живые существа... Их мы слышали каким-то потусторонним звериным чувством – так заключенные в одиночках, наверное, научаются слышать шуршание лапок жуков, живущих рядом, оглушительный (для уха заключенного) звук падающих с потолка капель воды.

Через какое-то время зажглась лампочка, и Мохов спустился к нам. На этот раз в руках у него был нож, похожий на тесак для разделки мяса, и обрезок

резинового шланга.

– Не хотите по-хорошему?! – с угрозой прорычал он и влез в комнату.

Лена загородила меня собой. Он ударил ее шлангом в область плеча и груди. Она попыталась вырвать его из рук, но наткнулась на нож, из указательного пальца левой руки хлынула кровь. Увидев замешательство Лены, наш мучитель схватил меня за шиворот, быстро влез назад в предбанник, втащив меня за собой.

На полу уже было расстелено ватное одеяло ярко-красного цвета, которое эти долгие годы будет служить подстилкой во время его насилий над нами. В комнатухе на стенах по всему периметру на уровне глаз расклеены порнографические фотографии девушек. Мне стало еще противнее и страшнее, но бить и мучить он меня не стал, просто удовлетворил свою потребность и отправил обратно в бункер.

Прошла еще одна ночь, но сон не шел. Не выключая свет, мы лежали и вспоминали истории из своих жизней.

Самые яркие воспоминания были связаны с моей сестрой. Однажды летом, когда мы гостили у бабушки в деревне, я вместе с Аней пошла в заброшенный соседями сад собирать полевую клубнику. Ягод было мало, и мы, едва наевшись ими, хотели уже пойти домой, как вдруг сестра заметила большую черную собаку, бегущую к нам со всех ног. От страха я заплакала, а Аня схватила меня за руку и потащила к дереву. Я до сих пор удивляюсь, как хрупкая пятнадцатилетняя девочка смогла поднять меня на старый широченный тополь, с гладким, не имеющим ответвлений стволом. Сама же она осталась стоять внизу, так как залезть вслед за мной не представлялось возможным. Благо все закончилось хорошо, овчарка, не достигнув цели, помчалась на зов подоспевшего хозяина. Именно этот пример, несмотря на сотни других, более значимых, благородных поступков по отношению ко мне, я до сих пор считаю самым неопровержимым доказательством сестринской любви.

Возвращение из воспоминаний было болезненным. Я старалась не плакать, потому что от слез и переживаний сразу начиналась дикая головная боль. Что будет с нами дальше? Думать не хотелось. С одной стороны, трудно было представить, как в таких условиях можно выжить, с другой – почему-то не

верилось в наше скорое возвращение домой...

На следующий день Мохов не появился. Ведро, куда мы ходили в туалет, практически наполнилось. В подвале отвратительно пахло, почти физически ощущалось висящее в запертом пространстве зловоние. Но самое главное – заканчивалась вода. Яйца и макароны мы уже не могли варить, и тогда Лена придумала пожарить яичницу в чайнике, так как другой посуды у нас не было.

Вкус этих яиц казался мне тошнотворным. А перед глазами всплывала картинка из нашей жизни до плена – это было так далеко, что казалось чем-то нереальным...

Зима, новогодние каникулы, мой любимый деревенский дом. Мы с Аней сидим у печки и смотрим телевизор, тут раздается скрип двери и – веселый голос бабушки:

– Ань, Кать, я яичек пять штук на насесте нашла, куры – фашисты, нынче совсем плохо нестись стали. Пойдемте, блинов напеку.

Мы, радостные, бежим на кухню и ждем лакомство.

Бабушка быстро замешивает тесто, и блинчики один за другим падают к нам на тарелки. Аня больше любит с вареньем и молоком, а я предпочитаю просто намащенные со сладким чаем.

Глотаю, практически не прожевывая, куски малосъедобной яичной массы в жутком подземном бункере и думаю о том, что сейчас отдала бы всю свою жизнь за то, чтобы хотя бы еще разочек повторился уютный зимний вечер в кругу моей любимой семьи...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/martynova_ekaterina/ispoved-uznicy-podzemel-ya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)